

Тяжелые деревянные колодки сняли, и шея с запястьями внезапно стали такими легкими, что Су Чэ даже почувствовал неловкость. Ледяной воздух, коснувшись стертой до крови кожи, отозвался резкой болью, но вместе с тем прояснил его затуманенный разум.

Он машинально размял онемевшие, ноющие запястья. Ощущение покалывания от прилива крови стало почти единственным признаком комфорта, доступным ему в этот миг.

Окружающие смотрели на него с нескрываемым любопытством. В глазах других ссыльных читалось недоверие, скрытая зависть и даже проблеск недоброго чувства. А вот конвоиры, и особенно командир отряда Ван, вели себя странно и смущенно.

— Су... господин Су, — командир Ван потер руки, выдавив из себя подобострастную улыбку, совершенно не вяжущуюся с тем свирепым видом, когда он размахивал плетью. — Видите ли... Ванье распорядился, чтобы вы шли в пути как следует, так что колодки... можно больше не носить. — Он указал на кандалы, оставшиеся на ногах Су Чэ. — А вот это... увы, правила есть правила, придется пока потерпеть.

Су Чэ опустил ресницы, скрывая мысли, и тихо ответил:

— Благодарю, командир. Я всё понимаю.

Разумеется, он понимал. Снятие колодок — не милость, а лишь очередной ход, сделанный Ванье Сяо Юем. Эта мнимая забота стала невидимым клеймом, вырвавшим его из толпы обреченных ссыльных и сделавшим чем-то вроде исключения. Возможно, это и уберезет его от побоев, но одновременно навлечет новые риски и пристальное внимание.

— Встать! Всем встать! Продолжаем движение! — Командир Ван обернулся к остальным и рявкнул, вновь обретая свою привычную жестокость, словно только так мог вернуть себе остатки власти.

Колонна снова пришла в движение. Без тяжести на шее шагать стало легче, но крайнее истощение и кандалы на ногах всё еще делали каждый шаг мучительным.

Однако теперь командир Ван действительно прислушался к словам Ванье. Когда во время привала раздавали еду, он молчаливо позволил выдать Су Чэ лепешку чуть толще, чем остальным, и разрешил сделать лишний глоток воды из фляги. Даже когда Су Чэ от усталости отставал, плетью больше не свистела над головой — лишь кто-то из солдат нетерпеливо подгонял его окриком.

Это особое отношение стало безмолвным катализатором, начавшим бродить в рядах отчаявшихся людей.

Сначала были робкие попытки. Старуха, схватившись за грудь, зашлась в приступе кашля, посинев от нехватки воздуха. Ее сын, долго колеблясь, все же подвел мать к Су Чэ во время

отдыха. Он не решался просить прямо, лишь смотрел умоляющими глазами.

Су Чэ молча осмотрел женщину и быстро прошептал:

— Найдите листья мушмулы или сосновые иголки, заварите их в кипятке. Это облегчит дыхание. И не пейте сырую воду.

Юноша ушел, бесконечно благодаря его.

За первым последовали второй, третий. С головной болью, расстройством желудка, гноящимися ранами... Всё больше людей, дождавшись, пока стража отвернется, шепотом или взглядом просили у Су Чэ помощи. Они больше не называли его мальчишкой, а осторожно величали господином Су.

Су Чэ не отказывал никому, но оставался предельно осторожен. Все его советы основывались на том, что можно было найти в этих краях — полевые травы, кипяченая вода, чистые тряпицы. Он ни словом не обмолвился о современной медицине, списывая всё на знания из книг, прочитанных дома, или народные рецепты.

Он даже начал собирать целебные травы, сушил их и прятал за пазухой на всякий случай. Командир Ван видел это, но делал вид, что ничего не замечает.

Су Чэ стал крошечным, но стойким оазисом на этом пути смерти. Крупицы медицинских знаний здесь превратились в спасительную соломинку. Он из последних сил лавировал между больными и бдительными конвоирами, дойдя до предела физического истощения, но в его глазах, когда к нему обращались за помощью, вновь загорался какой-то блеск.

Тем не менее, он прекрасно знал: всё держится на одном небрежно брошенном приказе Ванъе Сяо Юя. Тот, словно парящий в небесах ястреб, случайно бросил взгляд вниз, навсегда изменив его положение. Эта милость была подобна паутине — мягкой на вид, но способной в любой момент опутать так, что не вырваться.

Иногда он смотрел на далекие горные хребты, гадая, не следят ли за ним те холодные глаза из неведомой дали. От этой мысли по спине бежал холодок.

Прошло еще два дня. До места передачи, Заставы Чёрного Камня, оставалось всё меньше. Воздух становился холоднее, в ветре чувствовалась суровость и запустение, присущие приграничью.

В тот день после полудня в хвосте колонны поднялся переполох, раздались испуганные крики, заглушившие даже окрики солдат!

— Чума! Это чума! — заголосил кто-то в отчаянии.

Строй мгновенно смешался. Люди в ужасе бросились врассыпную, словно спасаясь от дикого зверя.

Сердце Су Чэ упало. Худшее случилось. В условиях скученности, антисанитарии и крайнего истощения вспышка эпидемии была неизбежна.

Командир Ван побледнел. Он и его люди, как перед лицом смертельной опасности, закрыли лица платками, а плети принялись хлестать тех, кто пытался бежать:

— Стоять! Всем стоять, черт возьми! Кто дернется — зарублю!

Но страх оказался сильнее. Су Чэ, против течения толпы, с трудом пробивался вперед.

— Господин Су! Не подходите! Там чума! — пытался остановить его кто-то.

Су Чэ вырвался. Его взгляд был прикован к эпицентру хаоса — на земле корчился юноша, изо рта шла пена, а на коже проступили страшные красные пятна. Семья несчастного в ужасе отпрянула, оставив его одного среди отчаянных рыданий.

Высокая температура, судороги, бред, сыпь... Сердце Су Чэ ушло в пятки. Симптомы были слишком тяжелыми — похоже на оспу или какую-то форму геморрагической лихорадки. В эту эпоху любой из этих диагнозов означал смерть и высокую заразность.

— Всем назад! Отойдите на десять шагов! Те, кто контактировал с ним, встаньте отдельно! — прохрипел Су Чэ, пытаясь взять ситуацию под контроль. Его голос, хоть и не был громким, звучал властно, на мгновение перекрыв хаос.

Командир Ван, словно ухватившись за соломинку, закричал:

— Слушайте его! Делайте, как говорит господин Су! Отходите!

Толпа в панике отступила, оставив в центре пустое пространство и умирающего больного.

Су Чэ быстро смочил обрывок ткани водой, плотно прижал к лицу и жестом показал стражникам сделать то же самое.

— Командир, его нужно немедленно изолировать. Устроить отдельно. Все вещи, к которым он прикасался, и людей, что были рядом, нужно отделить. И еще — немедленно грейте воду. Все, особенно те, кто был рядом, должны тщательно вымыть руки и лица с мыльным корнем или золой!

Он говорил быстро и четко. Командир Ван, потеряв голову, лишь кивал и отдавал приказы подчиненным.

Су Чэ присел в нескольких шагах от больного, внимательно изучая симптомы. Ему нужно было точнее определить болезнь, но без инструментов он мог полагаться лишь на примитивный опыт.

В самый разгар осмотра послышался топот копыт!

Подняв пыль, к ним вихрем ворвался отряд конников в черных доспехах. Во главе был начальник личной охраны Ванье — Цинь Фэн.

Цинь Фэн натянул поводья, острым взглядом окинул хаос и остановился на приметном юноше в кандалах, который, прикрыв лицо тканью, осматривал больного.

— Приказ Ванье! — голос Цинь Фэна прорезал шум. — Среди ссыльных подозревается эпидемия. Всем оставаться на местах, движение прекратить! Ослушавшихся — казнить!

Затем он в упор посмотрел на Су Чэ и указал на него плетью:

— Ты, Су Чэ. Ванье хочет тебя видеть. Немедленно за мной!

Приказ был внезапным и жестким, не терпящим возражений.

Все замерли, включая командира Вана. Взгляды, устремленные на Су Чэ, наполнились еще более сложными чувствами — страхом, сочувствием и пониманием того, что «так оно и должно было быть».

Особая милость закончилась? Или... пришла беда покрупнее?

Су Чэ медленно поднялся, сердце тяжело стучало в груди. Он смотрел на Цинь Фэна, сидящего на коне, и словно видел сквозь него ту невидимую, но вездесущую ледяную глыбу.

Тень эпидемии накрыла их, но призыв Ванье сейчас пугал куда больше самой болезни.

Он глубоко вдохнул, подавляя привкус крови в горле и дрожь в пальцах. То, что должно было случиться, неизбежно.

— Слушаюсь, — хрипло ответил он и, волоча тяжелые кандалы, шаг за шагом направился к коню Цинь Фэна.

Невидимые оковы в этот миг сжались еще туже.